

Образ кукушки в тувинской и белорусской традиционной сказочной прозе в свете типологических параллелей

Инна Швед

Брестский государственный университет
shved_inna@tut.by

Аннотация. В статье прослеживаются типологические параллели в сфере семантики и функциональности образа кукушки в тувинской и белорусской традиционной сказочной прозе. В результате сравнительного анализа установлено, что в обеих традициях мифологизация кукушки обусловлена представлениями о необычной биологии этой птицы – не делает гнезда, не высидывает яиц, не кормит птенцов, предпочитает одиночество, хотя держится скрытно, но громко и вместе с тем жалостно кукует, в полете напоминает ястреба. В обеих традициях кукушка характеризуется как серая, актуализируются темы зимовья кукушки, отлета в «вырей» и возвращения из него. Все эти особенности мифопоэтическое сознание обоих народов возводило к необычному происхождению птицы, часто от женщины. Кукование птицы в обеих традициях интерпретируется как безутешный плач, причитание по утраченному близкому человеку. Отмечается и характерная для рассматриваемых традиций амбивалентность восприятия кукушки.

Ключевые слова: орнитологический образ, мифопоэтическая картина мира, сказочная проза, белорусский фольклор, тувинский фольклор, сопоставительный анализ

Компаративная тематика, сравнительные материалы всегда оставались предметом неослабеваемого внимания фольклористов различных стран и научных школ. В статье пойдет речь о частном случае – типологических параллелях, простом

сопоставлении (в терминологии В. М. Жирмунского) в сфере орнитологического кода тувинской и белорусской традиционной сказочной прозы, а именно о функциональности в ней образа кукушки. При этом методологически важным выступает замечание В. М. Жирмунского, что «сравнение не снимает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, в широком смысле социально-исторической), но позволяет установить ее с большей точностью на основе сходства и различий между явлениями» (Жирмунский 2004, 236).

В мифопоэтических картинах мира белорусов и тувинцев образ кукушки представлен довольно выразительно. Тувинской мифологии известен персонаж «серая кукушка с лошадиную голову (аът баштыг бора-хек)», который, как отмечают составители сборника «Мифы, легенды, предания тувинцев», близок волшебным птицам, встречающимся в мифах самых разных народов: фениксу, птице Гаруде, волшебной кукушке из текста монгольского эпоса, дарующей вечную жизнь (Мифы 2010, 300). Согласно мифу, «существо, называемое серой кукушкой с лошадиную голову, живет далеко, в жаркой стране. Где эта кукушка побывала, где она куковала – все остается неизменно вечным. Например, листья деревьев были зелеными и зимой и летом, не было также холодов, было тепло, так говорили. Такой факт, вот, к примеру, подтверждает, что в нашей стране, например, хвоя сосны, кедра и ели не меняет цвета ни зимой, ни летом, неизменно стоит зеленой» (Мифы 2010, 59). Этиологический миф дает ответ на вопрос: «Почему же так стало?» «В старину, когда существо серая кукушка с лошадиную голову, сев на вершины этих деревьев, прокуковало, с тех пор хвоя кедра, сосны и ели не меняет цвета ни зимой, ни летом, так утверждали раньше старики. Так вот, та серая кукушка с лошадиную голову была во всем мире самой лучшей, самой благородной, приносящей мир птицей, так говорили. Поэтому, по ее примеру, человеку теперь нельзя убивать кукушку и удода, нельзя к ним притрагиваться, так говорили люди, я это слышал». Попутно укажем на связь кукушки и удода в белорусской традиции. Нередко кукушка «наша», «сапраўдная», «харошая» соотносится с кукушкой «інцярэснай», «жыдоўскай», «нехарошай» (термины

традиции), т. е. удодам, и противопоставляется ему по таким признакам, как поведение, голос, внешний вид. Обращается внимание на весеннее пение удода и кукушки, поскольку оно свидетельствует своим появлением о наступлении нового хозяйственного сезона, см. характерную поговорку: «Вясной і удода запря» (ФА; Лыщицы Брестского р-на).

Еще одна тема, актуализируемая тувинским мифом, — «почему нет серой кукушки сейчас»:

Сейчас серая кукушка с лошадиную голову не прилетает сюда, в наш край, потому, что ее обманывает маленькая кукушка, которая кукует здесь, в нашем краю: «Когда мы прибываем в тот край, мы кукуем, болтаясь на верхушке караганника, мы кукуем, раскачиваясь, на верхушке ковыля. Если туда прилетишь ты, такая большая птица, то там нет такого большого дерева или утеса, на котором ты могла бы сидеть и куковать, нет ничего такого, что бы выдержало тебя», — так (говоря), не пускает сюда ту кукушку. Так вот, эта кукующая (у нас) кукушка говорит неправду, так и продолжает обманывать до сих пор. Вот почему та кукушка, серая кукушка с лошадиную голову, не прилетает сюда (Мифы 2010, 61).

В связи с рассматриваемой темой важно отметить, что в традиционной сказочной прозе белорусов кукушка («зя-зюля») также является одним из наиболее мифологизированных, частотных персонажей. При этом подчеркивается, что кукушка активна только в теплое время года.

Вона пачынае рано высноу. А кончае, то зара (Купалле) вжэ, мусіць, нэ куе. Вжэ ея зара нэ чула. (А чаму?) — Кількі такая вжэ дысцыпліна такая, указ. На всё ж указ, хоць і на пташкі. (А чый указ?) — Ну, Бога, чы кого, Бога. Так ужэ поставлена... На всё пора. На всё пора (ФА; Большие Радваницы Брестского р-на).

Раньше абы весна — кукушка: «ку-ку», в этом году я ещё не слышала. А раньше, как выйдешь в огород, а они обычно вот где дерево. Когда я была ещё моложе, спрашивала: «Кукушка, кукушка, скажи сколько мне лет (жить)?» И вот она начинает: «Ку-ку», а мы считаем, и вот получается, может, это от Бога или что, и вот накукает сколько мне тут предстаёт (ФА; Погубятичи Брестского р-на).

Пачынаецца май месяц. Калі прылятае кукушка і пачынае кукаваць, то абавязкова хтосьці памрэ (ФА; Ворониловичи Пружанского р-на).

Чаще всего утверждается, что кукушка кукует до Петра:

Вот я ў гэтам гаду ні разу не чула кукушку. Вот была я на кладбішчы, нікада, а то раньшэ чула. А я пачула ў мамы (на магіле) кукушку і то, недоўга кукавала. Но ана ж, мусіт, да Петра толькі кукуе ілі. Даааа! Да апрадзелённага врэмені. Я не знаю да якога ана врэмені кукуе. (А потым куды яна знікае?) – Ана есць, но ана ўжэ перастае кукаваць. Да. Пытаеш яе: «Зязюлька-зязюлька, скажы, скоьліка я гадоў пражыву?» Ну і ана: «Ку-ку-ку». І ты шчытаеш, скоьліка гадоў ты пражывеш <...> Всегда чула, а гэты год не чула, была ў деда (на магіле) і не чула» (ФА; Довжани Мядельскаго р-на).

Мотив «кукушка кукует до Петра» обыгрывается в песнях брачной тематики, где кукушка символически соотносится с невестой, например: «Мынае, зозуленка, мынае // Да Петрівскае куванне: // Куда хотіла – лытыла, // Дэ сіла-пала, кувала. // Мынае, мынае дівочкае куванне: // Куда хотіла – ходіла, // Дэ с кім ны стала – кувала, // Музыкі заграють – гуляла» (ФА; Хомск Дрогичинскаго р-на). Взаимосвязь сезонных изменений в природе (маркированных прекращением кукования птицы) и в человеческом коллективе, в жизни девушки, ассоциированной с кукушкой, утверждается в песне: «Да Пятра зязюльцы кукаваці, // Да восені дзеванькам пагуляці, // Пятро пройдзе – зязюля ў вырай пойдзе, // Восень прыйдзе – дзеванька замуж выйдзе...» (ФА; Збіроги Брестскаго р-на). На зиму кукушка «ў вырай пойдзе» – в далекий теплый край у моря. Появление / исчезновение кукушки (ее голоса) выступает в белорусской традиции универсальным маркером границ календарного цикла, средством измерения времени и структуризации хозяйственного календаря.

Ну кукушка всегда начинает, когда черёмуха расцветает весной, вот первые цветы черёмухі – і кукушка. Она утречкам рано начінае кукаваць і долга кукует. А уже её, вот первая каса зазвінела – всё кукушка не кукует... Онi обычна находзяцца далекавата ат дома, кукушка возле дамов не эта... (ФА; Люта Брестскаго р-на).

Считалось, что купальские песни можно исполнять только «пакуль ячмень выплыве, пакуль зязюлька кукуе. А як не кукуе – няможна ўжо купальля пець» (Традыцыйная 2010, кн. 1, 243). Косвенно представления белорусов о прилете

и первом звуковом проявлении кукушки связывают эту птицу с темами плодородия, богатства, патроната. Кукование птицы может интерпретироваться как требование ключей для отмыкания земли: «Я-куб, ад-дай клю-чы, зям-лю атамкнущ, дзет-кі накарміць, спаць палажыць» (Традыцыйная 2011, кн. 2, 534). Звуковое поведение кукушки и в начале, и в конце летнего сезона прочитывается как знак будущего урожая / неурожая (голода, падежа скота). О кукушке, запевшей раньше времени («на голый лес»), белорусы говорят как о предзнаменовании голодного, неурожайного года, голода, падежа скота: «Калі кукушка першы раз кукуе, як лістоў на дрэве яшчэ няма, то гэта значыць, што будзе голад, засуха, а калі ўжо ёсць лісты на дрэве, то гэта на ўраджай багаты» (ФА; Большая Турна Каменецкого р-на), см. также отрицательное осмысление кукования «на голы лес» в паремии: «Кувала зязюлька на голы лес: не возьмець дзеўкі ані бес» (Прыказкі 1976, 67). Плохим знаком считается и отсутствие денег в кармане человека, который впервые в году слышит кукование кукушки. Существует довольно большое количество модификаций этого верования и связанных с ним магических практик, например:

Кукушку, если увидишь впервые, то обычно люди бросали мелкие деньги, чтобы целый год быть с деньгами. Есть такое поверье, что сколько кукушка накукует, то столько человеку жить осталось (ФА; Брест).

Тожа на грошы, як вясною прылеціць (зязюля), там у кармане як няма грошай, значыць, пуста будзе у кармані на грошы, на грошы будзеш бедныя. А як ўжо закуе, і грошы ёсць у кармане, о-о-о-о тады ўжо харашо, ўжо будуць грошы (ФА; Тешевле Барановичского р-на).

Когда куе кукушка, то была такая поговорка: «О вжэ ты чув зязюлю? О я вжэ чула», – должны быть деньги в кармане. Это вжэ будет везці на деньги цэлый год. Но а потом давай шчыта-ты: і раз, і два і тры... А я пэршы раз почула, мні аж пять раз наковала, шо я, пять літ шче буду жыты. Я кожу: «Дед, знаеш мне зузуля наковала пять літ», а він кажэ: «Мэні ковала, ковала, а я і нэ шчытав». І того деду моему девеностый год, на сем лет він мэна старшэ. І шэ завэзэ в цэркву машыною (ФА; Залузье Жабинковского р-на).

При реализации таких предписаний происходили интересные истории, рассказы о которых бытовали в семейном кругу:

Ой, як зязюлька, первы раз пачуеш, нада всегда, штоб з сабой былі деньгі. <...> Гэта шчытаецца, што цэлы год у цябе будут грошы. Вот як ана закукавала, ты должэн хоч якіе-та капейкі ў цябе былі ў кармане, надта ты цэлы год будзеш з грашамі. Я табе раскажу: мая баба, эта маміна мама, ана ж рана ўставала кароў даіць. А рана ўстаеш, а зязюлька: «Ку-ку. Ку-ку»... Слухай, ну каб жа ж пачуць, каб грошы вяліся, што ана зрабіла: тыя капейкі ўзяла, прывязала ў такі – трапку, ну і прывязала да нагі, і будет хадіць з імі. І згубіла ночью, як спала, адвязалася. Пашла (смяецца) карову даіць, а зязюлька: «Ку-ку. Ку-ку»... А ана – глядь, а там нема (смяецца), у пасцелі асталась (ФА; Довжани Мядельского р-на).

В варианте приведенного тувинского мифа подчеркивается, что серая кукушка с лошадиную голову изначально жила в Туве, улетела в далекие теплые края, лишилась возможности возвращаться на родину, но осталась ее патроном, заботящимся о благополучии тувинцев:

В Туве жила серая кукушка с лошадиную голову. Обычная кукушка, любящая куковать, уговорила ее лететь в теплые края, но там земля была схвачена пламенем – и кукушки не смогли там остаться. На обратную дорогу у серой кукушки с лошадиную голову не хватило сил, а обычная кукушка, любящая куковать, улетела. Синий журавль, прилетевший из Тувы, рассказал серой кукушке с лошадиную голову, что в Туве выпало много снега и начался падеж скота, весь скот погиб. Тогда серая кукушка с лошадиную голову благословила вечнозеленые деревья, пожелала, чтобы в Туву каждый год приходило лето, а обычной кукушке, любящей куковать, предрекла, что она станет серой. С тех пор она стала серой, подражает голосу серой кукушки с лошадиную голову и не высиживает своих птенцов, а серая кукушка с лошадиную голову из-за обмана обычной кукушки больше не прилетает в Туву (Мифы 2010, 301).

Серая кукушка с лошадиную голову, таким образом, связана с темами тепла, вечной зелени (жизни) растений, вода скота. Обращают на себя внимание также этиологические мотивы подкидывания обычной кукушкой яиц в чужие гнезда,

ее кукования и серости, а также утраты серой кукушкой с лошадиную голову «локативной» связи с родным краем в результате обмана обычных кукушек. В белорусских текстах кукушка также утрачивает связь с домом, семейно-родственные отношения, брачного партнера (еще со времен всемирного потопа «кукуш» невзлюбил и покинул кукушку), и это происходит в результате воздействия злого колдовства либо из-за личного греха, нарушения традиционных норм морали. Согласно легенде, зафиксированной в 2017 г. студентами БрГУ имени А. С. Пушкина, кукушка – это девушка, кавалера которой невзлюбили ее братья и превратили его в ужа, а потом и вовсе убили парня:

Хадзіў хлопец до дзеўчыны. Любіліся оні, а браці не хотелі, каб оні жаніліся і прэправілі ёго у вужа. А она пашла купацца... зтая значыць дзеўчына. Ну раздзелася і положила плацце там. Усё на беразе. А он прыпоўз і лёг на яе адзежу. Як ужо яна прыйшла, а он на адзежы лежа. А она боялася і не могла забраць свое плацце. А он гавора, каб яна не баялася яго. Он назваў як яго зваць, хто ён. І сказаў, каб она прыходзіла да яго сюды і казала: «Ку-ку-купін», і он прыдзе да ее. Ну і так оні ходзілі. Але браці празналі пра іх, падцераглі і яго убілі. Значыць, еслі б оні яго не убілі, то цераз некалькі лет он бы прэўраціўся як быў. Як яго убілі, она стала зязюляю. То значыць, з тых пор і кукуе зязюля: «Ку-ку-купін». Гавораць, з тых лет і пайшла зязюля (ФА; Лыщицы Брестского р-на).

Довольно последовательно в связанных с древним мировосприятием белорусских и тувинских нарративах о происхождении кукушки проводится идея превращения женщины в птицу в наказание за личный грех. В белорусских этимологических легендах такая метаморфоза может произойти из-за предательства (кукушка не имеет мужа, поскольку «своего человека продала. Ды зозуля беспарна» (Традыцыйная 2009, 426)); убийства («(Когда слышали кукование), ну это так между сабою, считали скількі там. Одна баба мне рассказывала, то мы раготалі. Она кукуе, потому что она своего мужыка зарезала, а зараз заглядае одна і кукуе. Своі яйчкі подкідает до чужых пташек, чтоб оны её детей гадавалі. Может быць і правда» (ФА; Дивин Кобринского р-на)); нежелания высидеть птенцов («Вона свое яйцы повыкідала із гнэзда. І вот

ее Бог наказав, што вона едывственная без детэй, і всё летае і кукуе» (Традыцыйная 2009, 426)); часто из-за лени («Усе яйца падкідвала вродзе бы з-за гультайства. Яна не хацела выводзіць сваіх дзяцей. Дык ад яе гэты Якуб ужо, кажуць, адказаўся» (Традыцыйная 2009, 426)); безответственности, стремления к развлечениям, праздности: «Маты от дэтэй ховалася. І сховалася. І кокушка дэтэй не мае. Яйца знэсэ, а сама полытіла, бо йій нэма колы... Ну, вона от дйтэй втыкала, хотіла гуляты...» (Традыцыйная 2009, 424). Жестокая мать может специально сжить со света ребенка, выгнав на мороз: «Те дитя пошло по болоту, поодморозывало ноги. Дзе ии следы, там поросли журавины. Буг пэрэтворыў ии (жоночину) у кукушку, таму вона подкидае своих дитей» (Народная Библия 2004, 185).

Мотив нарушения семейных отношений, норм традиционной морали, издевательств над родными людьми в белорусских легендах может контаминироваться с мотивами поругания, пугания Бога, старца, святых (Петра и Павла), глумления над ними, часто путем кукования из укрытия. Так, непочтенное отношение к св. Петру стоило девушке превращения в кукушку, которая может куковать только до дня, ему посвященного: «Ишли Пэтро и Павел. На дорогэ стоялы дывки. Одна з их вышла и стала дразниць Пэтра: “ку-ку, ку-ку”. А вон ей одговорыў: “Будэш так зозулею куваты до мойго празника!”» (Народная Библия 2004, 184). Кукушками становятся и девушки, которые ослушались запрета Бога и после смерти родителей кричали «ку-ку» (Народная Библия 2004, 183). Согласно другим представлениям, «калісь была дзеўка, але надта велька распусніца, яна ўвесь час успамінала брыдкія рэчы, так Бог яе за тое наказаў, каб яна была птушкаю, і цяпер яна “ку-ку! куку!”» (Зямля 1997, 114), либо «зязюля – то заклята каралеўна: яна даўней ганьбавала ўсялякімі сваімі святамі, так яе неякі закляў, каб яна цэлае жыццё зязюлькаю лятала і кукала» (Зямля 1997, 114).

Идею виновности самой женщины, которая в наказание за какой-либо проступок, грех превращается в птицу, обрекается на одиночество, бездетность и скитания, обыгрывает и тувинский миф:

У одного хана была единственная дочь, оказывается. Та единственная дочь хана работать не любила, была легкомысленной-избалованной, такой была. Хану не нравились легкомысленно-избалованность его дочери, думая, как бы это исправить, со своими родителями стал ее умолять-просить, но ничего не добился, оказывается. Так живя, его дочь в юрте родила внебрачного ребенка. Этого родившегося ребенка она не кормила, не ухаживала за ним, не обращала на него внимания, оказывается. Тогда хан: «Если моя дочь не ухаживает за своим ребенком, бросает его – это совершенно недопустимо», – так подумал. Хан, позвав свою дочь, сказал: «Если ты бросаешь своего ребенка – ты не человек», – сказав это, спустился с трона и когда ударил свою дочь плетью – она через дымовое отверстие ханской юрты вылетела, став птицей. Улетев, стала птицей, называемой кукушкой. Крича, облетая весь мир, всю Вселенную, увидела, что все, от человека до животных, любят родных детей, кормят, воспитывают их. «Ведь только я бросила своего ребенка, какой ужасный я человек! Вернусь назад, буду просить у родителей прощения, буду ребенка своего воспитывать», – говоря, кукушка, опомнившись, возвратилась к дымовому отверстию своей юрты и увидела, что родители ее сидят, плачут-причитают, оказывается. Сколько может выдержать младенец? Не смог он жить без кормящей матери, умер вот так вот (Мифы 2010, 75).

Девушка там поплакала-попричитала, посидела-посидела, не смогла посмотреть в лицо родителям и снова улетела кукушкой. Но вернувшись в свою страну, кукушка своих птенцов стала подкладывать в чужие гнезда, чтобы другие птицы их поили-кормили: не решается она смотреть в лица своим птенцам. У поющей кукушки голос всегда заунывный. О своем ребенке она вспоминает, тоскует. «Какой ужасный я человек», – так думая, с глубокой болью, жалобно кукует» (Мифы 2010, 75).

Общим для двух рассматриваемых традиций является осмысление кукования птицы как горького, надрывного плача. В белорусской традиции кукование часто трактуется как жалобный зов умершего брата или убитого мужа, например: «А зозуля всё врэўя куде, шукае свойго мужыка» (Традыцыйная 2009, 423).

Довольно многочисленны записи белорусских легенд с мотивом превращения в кукушку матери непослушных детей. Так, рассказывают о трех сыновьях, тяжело больная мать

которых просила принести воды. Но мальчики были заняты игрой в футбол. «Лэжала вона, лэжала, ждала нэ дождалась. Открыла вокэнэчко, вылэтіла сывэнькою зозулькою. І полытіла, і лэтіла над йімы... бульш до іх нэ прылытіла» (Традыцыйная 2009, 420–421). Такие сюжеты о нарушении семейно-родственных связей, разбитом семейном счастье женщины ее родственниками, осиротившими ее детей, часто объясняют поведение кукушки, не высиживающей, а подкидывающей другим своих детей: «...А вона сама зозулею летае і кукае, і кукае... Вона сама не выводзіць дзецей, а подкідае» (Традыцыйная 2009, 422). В легендах на любовно-брачную тематику кукушкой может становиться дочь, мать которой невзлюбила ее мужа: «Жэншчына была зазуля, да... Быв у ее мужык, называвса Якуб. Ну і знаеш, поссорыліса, ну і магі ейная зарубіла того мужыка... А як ужэ мать ёго справіла с сьвету, так вона зрабілася зозулькою. І это летае по свете і говорыць: “Якубку, Якубку...” Вона нэ куе “ку-ку”, але “Якубку, Якубку”. І вжэ з свое хаты як вылетела, то в ее зарэ нэма гнэздэчка... большынства вона нэсэцца в солов’інэ гнэздэчко. І вжэ соловэйко ее выседжвае, і всё...» (в подобном ключе может также разрабатываться мотив заколдованного мужа-ужа). Приведенная запись интересна тем, что прямо указывает на связь поведения кукушки, подкидывающей свои яйца в чужие гнезда, с тем, что женщина, превратившаяся в птицу, покинула свой дом (Традыцыйная 2009, 25). То, что кукушка подкидывает свои яйца в чужие гнезда, по-разному оценивается – птицу считают несчастной, хитрой, беспечной, живущей са счет других, хищной, например: «Зязюля – то яна няшчасная. (Чаму?) – Ну бач, то сваё яйцо подкіне дзе-нібудзь... Але тожа ж хітрая – якойсь падкіне, а тая няшчасная... Тое родзіцца вялікае, да з гнязда сваіх птушак павыкідае. Да й яго аднаго і кармі!» (ФА; Мочуль Столинского р-на), «А пра кукушку сами знаете – она туда-сюда за чужой счёт. Ну, говорят, кукушка нарожала и покидала, так люди говорят. Кукушка начинает куковать в мае, а сейчас косы звенят, зерновые, и она перестаёт куковать, потому что удавилась зёрнами, вместо того чтобы детей растить, она сама наклевалась – аж удавилась!» (ФА; Погубятичи Брестского р-на). На

Петра кукушка может опомниться, что должна выполнять материнские обязанности:

До Пэтра куде (зязюля). (А чаму?) Потому шчо она обновляе, помогаець своїм деткам. Ужэ б кукушкы деткы повэзуплівалысь, алэ з-за пенія кукушка не годувала своїх дітей. Вона не выла гнёзд, а ложыла яічка в чужыі гнёзда, она знала, шчо еі яічка нэ выкынуть, і какой-то сілой она действоваля. І она ужэ осознала, шчо маты, от Пэтра і Павла, вот от этого дня она прызнала, шчо неправельно делала. І такжэ еслі неправельно сэбэ хтось ведёт із девочэк, із всіх, всем надо держать себя в руках, быць часной, верной мужу, і нікогда нічего не будет напрасно. Но еслі она опомнілась і взяла себя в рукі, то она будет хорошей женою, мамой, і будет в почоте, как настояшчая мама (ФА; Залузье Жабынковского р-на).

Крик кукушки (имеющей, по народным представлениям, безбрачный статус) около дома интерпретируется как «предупредительный сигнал» о скором появлении в нем «байструка»: «Як кукушка кукуе... прыйдэ до мэнэ на дэрэво, сядэ тут на мое, знай, шчо дівка байструка зробіць, як шчо е дівка в хаті. Як вжэ дэ в лісэ, нэдалёко кукуе, то гэто еі пытають, а як куде... на дэрэво сядэ свое – знай, шчо як дочка е, то будэ з байструком!» (ФА; Спорово Березовского р-на). Верят также, что эта порвавшая связь с детьми птица приносит «человеческим» родителям печальную весть о том, что их повзрослевшие дети порвут с ними связь: «Кого кукушка, пролетая, обгадит, тот брошенный детьми будет» (ФА; г. Береза).

Как в белорусском, так и тувинском фольклоре кукушка может выступать в одном контексте с ястребом. Так, у тувинцев существовало поверье о громадной птице ястребе.

Рассказывали, как серый ястреб с лошадиную голову стал готовиться к тому, чтобы посмотреть горы и реки северной тайги. Когда так готовился, встретил кукушку. Серый ястреб с лошадиную голову с любопытством спросил: «Хочу посмотреть горы и реки северной тайги. Ты всегда путешествуешь по Земле, наверное, ты видела те земли, какие эти земли?» Кукушка: «Держась за верхушку караганника, раскачиваясь на верхушке ковыля, я куковала. Если ты полетишь туда, ты не найдешь дерева, чтобы сесть. На той земле даже нет дерева, ты туда не лети», – обманула кукушка. Серый ястреб с лошади-

ную голову на нашу землю не прилетает из-за обмана кукушки. Сама кукушка каждое лето летает в северную тайгу, любит красота этих земель и, покуковав, возвращается к себе домой. Серый ястреб с лошадиную голову до настоящего времени все так же верит рассказам обманщицы-кукушки (Мифы 2010, 301).

Белорусам известны верования о сезонном превращении кукушки в ястреба («шуляка», «каршуна»), который уже не кукует, а таскает молодняк домашней птицы («А пасля Пятра пашла шалець» (Полацкі, 33), «До Петра куе, по Петру куры б'е» (ФА; Пинковичи Пинского р-на), «ужо хішчніца» (Традыцыйная 2006, 532), «тады яна ўжо драпежнік <...> Тады яна ўжо і курэй, і зайцаў. Як і сава <...> Бывае, разрасцеца така-ая бальшая!» (Традыцыйная 2011, кн. 2, 533)). Причем информанты могут подчеркивать, что знания об этой метаморфозе появились недавно, благодаря «открытиям ученых» (ФА; Березовский р-н).

Мифологизация кукушки в белорусской и тувинской традициях обусловлена представлениями о необычной биологии этой птицы – не делает гнезда, не высиживает яиц, не кормит птенцов, предпочитает одиночество, хотя держится скрытно, но громко и вместе с тем жалостно кукует, в полете напоминает ястреба. В обеих традициях кукушка характеризуется как серая, актуализируются темы зимовья кукушки, отлета в «вырей» и возвращения из него. Все эти особенности мифопоэтическое сознание обоих народов возводило к необычному происхождению птицы, часто от женщины. Кукование птицы в обеих традициях интерпретируется как безутешный плач, причитание по утраченному близкому человеку. Отмечается и характерная для рассматриваемых традиций амбивалентность восприятия кукушки. Такая полярная трактовка образа может проявляться даже в диалоге двух женщин – носителей одной локальной традиции. Так уроженки д. Малыши рассуждают о том, почему нельзя убивать кукушку. Одна з них говорит: «Гэто ж божская, гэто, кажуць у нас, божская пташка». На это собеседница возражает: «Не, зладзейка. Нешта ж было, нешта: “Твая маці зладзейка. А што гэто было, пра што гаварылі – ўжо забылася я”» (ФА; Малыши Ляхо-

вичского р-на). Мотивы о превращении женщины в кукушку, ее вдовстве, сиротстве, одиночестве, обусловленном утратой родных, представления о связи этой птицы с тем светом, смертью, несчастьями, нашли преломление в различных жанрах песенного фольклора белорусов.

Выражение благодарности

Исследование проведено в рамках задания «Зоологический код белорусской традиционной духовной культуры (по записям XIX – нач. XXI вв.)», выполняющегося по ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг., № госрегистрации 20160897 от 13.04.2016 г.

Список цитированных источников

- Жирмунский, В. М. 2004. *Фольклор Запада и Востока*. Москва: ОГИ. Зямля 1996. *Зямля стаіць пасярод свету... Беларuskія народныя прыкметы і навер'і*. У 3 кн. У. Васілевіч (уклад., прадм.). Кн. 1. Мінск : Маст. літ.
- Мифы 2010. *Мифы, легенды, предания тувинцев*. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша (сост.). Т. 28. Новосибирск: Наука. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Народная Библия 2004. *«Народная Библия». Восточнославянские этнологические легенды*. О. В. Белова (сост.). Москва: Индрик, 2004.
- Полацкі 2011. *Полацкі этнаграфічны зборнік*. А. У. Лобач (уклад.). Наваполацк: ПДУ, 2011. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Ч. 1.
- Прыказкі 1976. *Прыказкі і прымаўкі*. У 2 кн. М. Я. Грынблат (склад.). Мінск : Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1.
- Традыцыйная 2006. *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў*. У 6 т. А. М. Боганева (і інш.); Т. Б. Варфаламеева (ідэя і агул. рэд.). Мінск: Выш. шк., 2006. Т. 3. Гродзенскае Панямонне: у 2 кн. Кн. 2.
- Традыцыйная 2009. *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў*. У 6 т. А. М. Боганева (і інш.); Т. Б. Варфаламеева (ідэя і агул. рэд.). Мінск: Выш. шк., 2009. Т. 4. Брэсцкае Палессе: у 2 кн. Кн. 2.

Традыцыйная 2010, кн. 1.; Традыцыйная 2011, кн. 2. *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў*. У 6 т. В. І. Басько, А. М. Боганева (і інш.); Т. Б. Варфаламеева (ідэя і агул. рэд.). Мінск : Выш. шк., 2010–2011. Т. 5. Цэнтральная Беларусь: у 2 кн. Кн. 1–2.

ФА – Фольклорно-этнографічны архів студэнцескай навукова-даследавальскай лабараторыі «Фольклорыстыка і краеведение» Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (руководитель – И. А. Швед).

Summary

THE IMAGE OF A CUCKOO IN TUVAN AND BELARUSIAN TRADITIONAL NON-FAIRY TALE PROSE IN THE LIGHT OF TYPOLOGICAL PARALLELS

Ina Shved

The article draws typological parallels in the sphere of semantics and functionality of the image of the cuckoo in Tuvan and Belarusian traditional non-fairy tale prose. As a result of a comparative analysis, it was established that in both traditions the cuckoo mythologization is caused by ideas about the unusual biology of this bird - it does not make nests, does not hatch eggs, does not feed nestlings, prefers loneliness, keeps stealthy, but at the same time loudly and pitifully crows, in flight resembles a hawk. In both traditions, the cuckoo is characterized as gray; the themes of the winter cuckoo, flying to the paradise and return from it. All these features of the mythopoetic consciousness of both peoples led to the unusual origin of the bird, often from a woman. In both traditions, bird crowing is interpreted as inconsolable crying, lamentation for a lost loved one. The ambivalent characteristic of the traditions of perception of the cuckoo, is also noted.

Keywords: ornithological image, mythopoetic picture of the world, non-fairy tale prose, Belarusian folklore, Tuvan folklore, comparative analysis